

Счастливая жизнь Веры Тапкиной

Вера Тапкина была из невезучих. Много в ее жизни могло бы сложиться по-хорошему, а сложилось иначе.

Для начала Вера могла бы родиться в Москве — когда-то ее родители жили там и трудились на заводе ЗИЛ. Потом им надоело общежитие, и они вернулись в свой маленький и сонный городок в четырехстах верстах от столицы. За год до Вериного рождения.

Вера могла бы уродиться в мать — стройную, сероглазую, с пышными волосами красавицу, а вышла — копия бати. Тот бы смугл, как цыган, носовит и узкоглаз, напоминал копченую селедку. Вера и фигурой пошла в отца — крупная, мосластая, с большими руками.

После восьмилетки Вера хотела пойти в медучилище, а потом работать в поликлинике — белый халат, белая шапочка. Все бы уважали и ценили, соседки бы просили померить давление или поставить укол. Вера бы никому

не отказала, чувствуя свою значимость. А отец заставил пойти в ПТУ, на плиточницу. Что, говорит, тебе с говном и мочой возиться? А там всегда будешь с халтурой. Вера была слаба характером и отца послушала.

Потом, на первом курсе, случилась у нее любовь, та, что до гроба. Звали его Колькой. Гуляли вечерами в парке культуры, ходили на танцы, целовались в подъезде. Дальше — ни-ни. Не так воспитана.

Проводила Кольку в армию. Два года писала письма, рыдала, ночей не спала. А он вернулся с молодой женой — привез ее из Барнаула. Вера тогда чуть с ума не сошла. Решила топиться, слава богу, передумала.

Вскоре в семью радость пришла — дали бате новую квартиру. На новоселье гуляло ползавода. Танцевали под баян, а Вера все хотела поставить пластинку с Пугачевой.

Пошла работать на стройку. Через два года у нее завязался роман с прорабом Петровичем. Петрович был старше Веры на двадцать лет и имел многодетную семью. Замуж за него Вера не хотела, ныть не ныла, ничего не просила. Все еще любила предателя Кольку. Встречала его иногда с женой и коляской — сердце рвалось из груди, и становилось так душно, что дышать тяжело.

Мать ее просила: ты хоть ребеночка роди, мы люди немолодые, с кем останешься? А от кого рожать? От Петровича не хотелось, а больше и не от кого было. Городок маленький, все на виду.

Колька стал пить и жену поколачивать. Об этом все знали. Вера видела ее в магазине — лицо опущенное, глаза на мокром месте. Однажды Колька пришел к Вере. Пьяный, конечно. В дверь колотился, орал. Вера не открыла. Вот бы от Кольки родить! А куда рожать от пьяницы?

В тридцать пять Вера осталась одна — родители ушли в один год, друг за дружкой. Вера сделала поминки, но отпевать побоялась, отец был коммунистом. Через год поставила хороший памятник — два голубя целуются, а над ними — веночек, буквы золотые. Очень ей этот памятник нравился.

Теперь деньги матери отдавать было не надо, и Вера купила себе дубленку — колкую, каменную, с цветочками по подолу. Правда, белая овчина после дождя козлом воняла, но все равно Вера была довольна.

Зарабатывала она неплохо. Весь год собирала на отпуск — и поехала в Болгарию, на Золотые Пески. Надеялась: а вдруг там найдет свою судьбу?

Через три дня на пляже познакомилась с пузатым немцем из ГДР. Объяснялись жестами. Немец пригласил ее в номер попить пива. Вера принарядилась и пришла. Долго стучала в дверь, не открывали. Толкнула дверь рукой — она оказалась незапертой. Кавалер спал на кровати в одних трусах. Храпел так, что стены тряслись. На следующий день Вера поехала на экскурсию, чтобы с ним не встречаться. Больше его не видела — видно, кончился у фрица отпуск и он уехал, да и черт

с ним. Вера купила себе кофту-«лапшу», замшевую юбку с фестонами и духи «Розовое масло».

А в январе она сломала руку — поскользнулась у подъезда. Перелом был сложный, в трех местах, с осколками. Врач сказала, что сидеть Вере на больничном месяца два. Потом — неизвестно. Рука-то правая. По больничному платили пятьдесят процентов. На что жить?

И Вера решила сдать комнату. Жилец нашелся быстро — молодой врач из Питера, приехал по распределению. Парень простой, непьющий, звать Сергеем. Жилец оказался человечным. Видел, как Вера с рукой мается, — мог и картошки сварить, и шей на неделю, приглашал к столу: поешьте, Вера Григорьевна, горячего. Когда рука болела невмоготу, делал обезболивающий укол. Жили тихо, мирно, друг друга не задевая.

Работал Сергей в городской больнице и крутил роман с замужней медсестрой. Вера его слушала и головой качала:

— Жениться тебе надо, а не с замужней путаться. Вон сколько девчонок хороших, а ты?

— Я люблю женщин солидных и умных, — смеялся он. — А с девчонками мне неинтересно.

В свою замужнюю медсестру был влюблен не на шутку, просил уйти от мужа, а та все отмахивалась: отстань, мне и так хорошо.

Он ей ультиматум, а она: раз так, так и иди к черту.

В общем, нашла коса на камень. Он, бедолага, страдал, Вере плакался. Она его и пожалела. Пожалела одну ночь, вторую — так у них и поехало. Вера душой не была, все про себя понимала. Влюбиться в него не влюбилась, хотя нравился он ей сильно, что говорить.

Денег за постой теперь у него не брала, неудобно как-то. Рука тем временем зажила, и в апреле Вера вышла на работу.

История с постояльцем как-то постепенно сошла на нет. Сначала он приходит к ней стал реже, говорил, что устал на дежурстве, потом и вовсе перестал. Вера на него не обижалась, и за то, что было, спасибо. Помог в трудную минуту, ухаживал, душу отогрел — и то хорошо. Ведь к хорошему Вера была непривычная.

Деньги, кстати, он теперь подкладывал на кухонную полочку. Тихо, без слов. Вера их сначала не трогала, а потом стала брать. Видела, что жилец переменялся: глаз горит, брюки наглаживает, по вечерам торопится, убегает. Все поняла.

А потом он ее на разговор вызвал. Смущался, правда, страшно. Краснел, запинаясь:

— Вера Григорьевна, я жениться собираюсь — уж не обессудьте. Так вот получилось. Вам за все спасибо, вы — хороший человек. Но буду я подыскивать другое жилье. Невеста моя в положении, жилплощади у нее нет, там семья большая, братья, сестры, племянники. Так что надо нам семью строить на своих, так сказать, метрах, в смысле на съемных. Комната у вас хорошая,

светлая, денег вы берете немного, хозяйка вы не вредная. Но неудобно как-то, сами понимаете, — он опять покраснел и запнулся. — И ребеночек вам мешать будет, да и две хозяйки на кухне... В общем, что говорить! Съеду я от вас, как только комнату подыщу.

Вера сидела молча, опустив голову, и теребила бахрому у скатерти. Они оба долго молчали. А потом Вера сказала, вздохнув:

— Не надо никакой другой комнаты, Сережа. Здесь ты привык, да и до работы тебе пешком. И вон двор какой хороший с малышом гулять. Да и я чем смогу помогу. Я ведь одна на свете, Сережа, никого у меня нет. А так будет семья. И денег мне платить не надо — я ведь хорошо зарабатываю.

Вера замолчала, боясь поднять на Сергея глаза. Молчал и Сергей.

— Ну а буду мешать вам — так съедете, вы же вольные люди, — засмеялась Вера. — Да и с женой твоей я общий язык найду. Уверена, что найду. Что вам по чужим углам мотаться, да еще с ребеночком? А мне только радость, Сережа! Поверь, только радость. Ты ведь мне не чужой.

Вера смутилась и отвернулась к окну. Сергей порывисто встал и вышел с кухни. Вера всю ночь не спала: боялась, что он передумает и она опять останется одна. Ведь они стали почти как родственники, привыкли друг к другу, ни разу не поругались.

Вечером того же дня Сергей принес букет гвоздик и торт. И еще красивый платок — на синем фоне красные розы.

— А что девушку свою не привел? — удивилась Вера.

Девушку свою он привел через два дня — с чемоданом и стопкой книг. Девушка была хорошенькая, черноглазая, курносая, с толстой косой до пояса. Звали ее Олей.

Вечерами, если Сергей был на дежурстве, Вера прогуливала беременную Олю по парку. Потом пили чай с печеньем, Вера терла Оле яблоко с морковью и вязала будущему малышу носочки и варежки. По воскресеньям Вера пекла пироги и накрывала стол белой скатертью. Присмотрела в «Детском мире» коляску. Только не знала, какую брать — синюю или красную. Решила подождать.

Со смены торопилась домой. Надо было прибраться и готовить ужин — теперь у нее была семья. А что может быть важнее? Ведь она, как никто, знала, какое страшное дело — одиночество, не приведи бог!

Жизнь впервые была наполнена смыслом, Вера была счастлива.

И еще она ходила в церковь и долго просила бога, чтобы ничего в ее жизни не переменилось.

Зависть

Галина лежит на диване, как Даная, так же красиво. Впрочем, все, что она делает, красиво. Ника так считает — абсолютно, кстати, искренне. Кожаная узкая юбка слегка задралась, демонстрируя длинные, полноватые, но все еще очень стройные ноги. Одна рука закинута за голову, а вторая держит сигарету. Тоже красиво. Руки очень ухоженные, с длинными красивыми пальцами и прекрасным темно-вишневым маникюром. Немного откинув голову назад и сложив в трубочку губы, Галина выпускает в потолок тонкую струйку дыма. Ника, как всегда, не может оторвать от Галины глаз. Смотрит на нее как замороженная, любитесь лицом — гладким, очень белым, с яркими синими глазами, широкими темными бровями, прямым носом и крупным, пухлым, манящим ртом с полоской идеальных, белоснежных зубов. Длинные, темные, густые волосы, закрученные на затылке в небрежный пучок. Кофточка с глубоким декольте. А что, такую грудь не грех и выставить, сплошное богат-

ство. Не то что Никин первый, и то с натяжкой, номер. И это после двоих-то детей!

Ника мысленно оглядывает себя и тяжело вздыхает. Угораздило же уродиться такой серой мышью! Вот родители постарались. Это про таких, как она, говорят: «Ни кожи ни рожи». Одно сплошное недовольство собой. А как по-другому? Роста ничтожного, вес — ученицы шестого класса. Фигуры нет и вовсе — ручки тоненькие, ножки кривенькие, волосы серенькие и тусклые. Глазки, ротик, оборотик — вот и получилась Ника. Никакая. Ника — никакая. Вот и каламбур, прости господи.

В соседней комнате возятся сыновья — пятилетний Вовка и трехлетний Колька. Орут как резаные, разносят комнату по кускам. Полная свобода.

Галина морщится и кивает в сторону детей:

— Успири!

Ника обижается, но не подает вида — усмирять детей, конечно, смешно. Украдкой глядит на часы — скоро с работы должен приехать муж Виталик.

«Успеть бы проветрить», — с тоской думает она.

Галина тем временем в пятый раз просит сварить кофе. Ника бросается на кухню и заодно ставит разогревать кастрюлю с борщом — Виталик ждать не любит. Галина тем временем продолжает рассуждения.

— Ну что Савельев? — медленно растягивая слова, говорит она. — Да, конечно, человек небедный. Практически олигарх. Подарки не из последних. Шуба, машина, бриллианты. Ко дню рождения — гарнитур из

розовых сапфиров. Не банально. Дом с прислугой. Кажалось бы, что еще надо? Но есть один веский аргумент, который перечеркивает все положительное. Ложиться в койку с ним просто мука. Нечеловеческие страдания. У него какой-то особый запах, Ну, специфический такой, понимаешь?

Ника отрицательно мотает головой. Галина опять морщится.

— Ничего не помогает — ни духи, ни дезодоранты. Это же не запах нечистого тела — он чистюля будь здоров! Это просто его запах, понимаешь? И его ничем не перебьешь. Гормоны, наверно, — тяжело вздыхает Галина. — Ничего не могу с собой поделаться — тошнит. Прямо к горлу подкатывает.

Ника, у которой в арсенале имеется единственный сексуальный опыт, с мужем Виталиком, тоже вздыхает и кивает понимающе.

Галина продолжает:

— А Могилко? Нет, сама подумай, можно в трезвом уме взять фамилию Могилко?

— А ты не бери, — говорит Ника. — Оставайся при своей.

— Так он же настаивает! И дети, нет, ты только представь, будут Могилко. Девочка, например. Или мальчик. Да там еще трое детей в анамнезе и три жены. И все — Могилко. Хорошие дела.

Галина привстает и раздраженно тушит окурок.

— Или вот Забельшанский. Фамилия что надо.

Подходящая фамилия. Только живет с сестрой-дебилкой. Та голая по квартире ходит. Говорит, что принимает воздушные ванны. А мне кажется, что братца соблазняет. Нимфоманка, по-моему, на мужиков бросается. К нему друзья перестали в гости ходить — боятся. Он говорит, что ее ни за что не бросит, совесть не позволит. Сама — ни убрать, ни приготовить. Все он, как за малым дитем. Ну, мне это надо? Еще отравит меня из ревности. И не сядет, у нее справка. А жаль. Неплохой он мужик, этот Забельшанский. Умный, интересный. И не бедный, — добавляет Галина. И опять тяжело вздыхает.

Ника опять смотрит на часы — муж запаздывает. «Пробки, наверное», — думает она. Галина перехватывает взгляд.

— Психуешь? — усмехается подруга.

Ника пожимает плечом.

— Вот я и думаю, — говорит Галина. — На черта все эти мужья и дети? Только нервы и потерянное здоровье.

Она кивает на дверь детской, из-за которой раздаются дикие вопли.

— Ну, знаешь! — обижается Ника. — Дети — это счастье. Надежда на старость. Оплот.

— Я тебя умоляю! — с пафосом восклицает Галина. — Себя-то не смей! Будешь этот «оплот» до сорока их лет тянуть. А потом уже ни на что сил не хватит. Даже на себя.